

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Пекальчука
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

СКОЛЬЗЯЩИЙ СКВОЗЬ НОЧЬ. СХВАТКА С СУДЬБОЙ
СКОЛЬЗЯЩИЙ СКВОЗЬ НОЧЬ. ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Владимир ПЕКАЛЬЧУК

СКОЛЬЗЯЩИЙ СКВОЗЬ НОЧЬ.
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2004 году
Выпуск 437

Художник
В. Федоров

Пекальчук В. М.

П23 Скользящий сквозь ночь. Живые и мертвые: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 378 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1321-8

Зерван да Ксанкар, преследуемый сильнейшей чародейкой высших эльфов, возвращается домой, в страну, откуда бежал много лет назад. В Эренгарде назревает гражданская война, а коварный сосед уже собирает армию для вторжения. И на фоне этих драматических событий путь вампира пересекается с путями орка-изгоя и таинственной беглянки. Роднит всех троих понимание того, что даже если ты дышишь — это еще не значит, что ты жив.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1321-8

© Пекальчук В. М., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Огромная кошка медлила, словно понимая своим звериным нутром, что в этот раз перед нею не просто добыча, а другой ночной охотник, еще более опасный, чем она сама. По небу безмолвно плыла меньшая луна, освещая две застывшие перед смертельной схваткой фигуры: тигр-людоед и высокий человек в плаще, с тонким клинком, играющим отблесками небесного светила.

Вечером в поселок прибежал заходящийся плачем мальчик: тигр напал на него и дедушку. Старик, вооруженный только клюкой, отчаянно набросился на хищника, молотя его по голове и призывая всевозможные небесные кары. Его жертва не пропала впустую: внук успел убежать и теперь принес домой ужасную весть.

— Боги, да за что же нам такое проклятие?! — голосила мать мальчика. Это ее отец стал сегодня жертвой людоеда.

— А король и не чешется, — мрачно изрек один из завсегда-таев кабака.

— Да брось, какое ему дело до нас? — безнадежно махнул рукой кабатчик. — Ну подумаешь, сожрала тварь уже два десятка подданных. Стоит ли по таким пустякам королевскую голову морочить?

— Покажите мне, где логово тигра.

Люди в деревенском кабаке не сразу поняли, кто это сказал. Станный посетитель, появившийся в поселке под утро и проспавший в снятой комнате весь день. Теперь он сидел в самом темном углу и уминал жареное мясо, даже за столом не сняв плаща и не откинув капюшона.

Люди переглянулись:

— Толку-то? Трое охотников уже сгнули. Без отряда воинов тут не обойтись, тигра таких размеров отродясь никто не видывал...

- Просто покажите мне, где он живет.
- На ночь глядя?! Ночь — его время!
- Посмотрим.

И вот они замерли друг против друга — смертельные, непримиримые враги, и казалось, даже старшая из двух лун замедлила свой бег по небосклону, чтобы лицезреть поединок двух смертоносных ночных хищников.

* * *

Скригнули, медленно закрываясь, ворота. Спину жег полный муки взгляд жены, хотелось выть, кататься по земле, кричать так, чтобы содрогнулись холодные звезды, и рыдать... но он не заплачет. Не плакал при жизни — и теперь не станет. Мертвые не плачут.

Медленно, шаг за шагом, уходил прочь, оставляя позади свой дом, семью, родителей, друзей. Все, что было дорого, осталось за спиной. Цена всего одной чудовищной ошибки. Степной ветер треплет праздничную куртку. Это его день. Его праздник. Его похороны. В волосах чувствуется влага — слезы жены, упавшие на голову, когда она заплетала его гриву в последний раз.

Хотелось только одного теперь — чтобы она не ждала. Пусть найдет себе другого мужа — это нетрудно первой красавице племени. Пускай живет дальше, ведь он ушел по дороге туда, откуда нет возврата.

С глухим стуком ворота закрылись. Вот и все. Так и должно быть. Мертвым нет места среди живых, а он теперь мертв. Мертв навсегда.

Медленно, понураясь, уходил в никуда, возвышаясь над низкорослым кустарником, словно шагающая скала. Теперь уже не нужно смотреть вперед — все пути хороши для того, кому некуда идти, это цена мимолетной слабости. В сердце лишь одна надежда, что ноги сами приведут его к тому, кто подарит ему вечный покой.

Глава 1 ПУТЬ В НИКУДА

— Сэр Рольф ан Кранмер! — возвестил сенешаль.

Тааркэйд Первый наклонился к уху жены, восседавшей рядом на троне:

— Ну вот, теперь ты можешь наконец успокоиться. Он бы не вернулся, будь тигр жив. Хочешь пари?

— Нет, — улыбнулась королева, — я его проиграю.

В зале появился облаченный в начищенные до блеска доспехи сэр Рольф. Даром что с дороги, подумалось королю, этот чистоплюй будет терять время, наводя марафет, даже если должен доставить весть первостепенной важности. Впрочем, идеальных людей нет, Рольф ан Кранмер надежен, как и все ан Кранмеры, это главное, мелкие заскоки простительны.

Следом за ним два гвардейца внесли на подносе голову тигра необычайного размера, уже препарированную — осталось лишь на стену повесить. Собравшиеся дворяне только ахнули: вот уж тигр так тигр!

Рыцарь почтительно поклонился, и Тааркэйд подумал, что для победителя он больно кисло выглядит.

— Что-то не так, — тихо сказала Леннара мужу, как всегда попав в такт его собственных мыслей.

— Приветствую вас, мои повелители, — произнес ан Кранмер замогильным голосом, — извольте принять в дар сей трофей в знак почтения...

— Что-то ты невесел, мой добрый друг, — не вытерпел король. — Что случилось? Потери?..

— Меня опозорили, — хмуро признался рыцарь, — я стал посмешищем. Извольте принять сей трофей в знак почтения от клана Этиан... Когда я прибыл с моим отрядом, дабы сразиться с людоедом, оказалось, что тигр уже мертв. Убит всего од-

ним человеком, вооруженным тонкой шпагой. Он-то и передал свой боевой трофей вам в дар.

— При чем тут клан Этиан? — насторожилась королева.

— Понятия не имею, моя повелительница.

Король и королева переглянулись.

— Поди-ка поближе, сэр Рольф. А теперь давай по порядку, — негромко повелел Тааркэйд, когда его вассал приблизился так, чтобы его слова были слышны только монаршей чете.

— А мне и сказать-то больше нечего. Прибыл поздней ночью — вся деревня гуляет. Ну и почетный гость у них — мрачный тип такой. Благородных кровей, судя по виду, сидит себе так, как будто каждый день убивает тигров и деревни спасает. Я туда с отрядом приперся — а он тигра в одиночку сделал. Такое чувство, словно мне в карман высморкались.

— Но при чем тут клан Этиан?! Тот воин эльф?

— Вот в том-то и дело, что нет. И тигра он убил, как сказали крестьяне, двумя ударами шпаги. Какой позор мне. Я, припершись с целым отрядом, выглядел посмешищем рядом с тем, кто обошелся без помощи.

— Так он убил его днем? — уточнил король.

— Нет. Предыдущей ночью. Ему даже успели сшить плащ из шкуры того тигра...

— Как он выглядел? — быстро спросила Леннара.

* * *

Зерван откинулся на спинку стула, облизал губы и вытер платком. Жаркое действительно неплохое — трактирщик не обманул, мясо стоило своих денег.

Все-таки либо Судьба по-прежнему хранит свою непокорную жертву, либо просто повезло. Мальчишка-рыцарь казался просто убитым: еще бы, припереться в такую даль с отрядом — и тут нате вам, сэр. Поворачивайте оглобли, тигра уже и без вас какой-то бродяга ухайдакал. Рыцарь, хвала Маэнэмме, покровительнице всех бродяг и изгоев, даже не додумался поинтересоваться, кто он вообще такой, этот чужак со шпагой. А крестьяне его не выдали — хотя наверняка кто-то да догадался, кто же на самом деле их неожиданный спаситель. Весьма мудрая жизненная позиция — не сделай зла тому, кто тебе не сделал, и не буди лихо, пока оно тихо.

Зерван пододвинул к себе тарелку с пирогом и еще раз порадовался своему новому плащу. Подбитый мехом тигра, он оказался очень хорош в последнюю промозглую ночь. Уж ради одной этой обновки стоило убить людоеда, тем более что тигр был староват и медлителен, легкая добыча. Старость не радость, даже тигры, старея, вынуждены переходить на человечину и в итоге рано или поздно находят свою погибель от вил и кольев. Этому повезло больше: тонкий клинок принес почти мгновенную смерть.

Скрипнула дверь, и на пороге трактира появился новый посетитель — точнее, посетительница. Высокая женщина в темном плаще и капюшоне подозрительно оглядела полутемную комнату, пройдясь взглядом по посетителям. Ее внимание привлекли несколько завсегдатаев в крестьянской одежде да несколько купеческих компаний, Зерван же интереса не вызвал.

Настороженно двигается, подумал он, свободно — и в то же время словно сжатая пружина. Можно держать пари: если кто-то из забулдыг рискнет распусть руки, на свет божий тотчас же появится острый кинжал — из рукава или из ботинка. А может, сразу пара. А осанка — любая королева обзавидует. Интересно, что делает такая женщина одна в здешней глухомани? Одеты небогато, но опрятно, лицо прячет под капюшоном... Вампир?

Зерван вместе с остальными посетителями проводил ее взглядом в самый дальний темный угол и подумал, что повадки незнакомки очень сильно напоминают ему его собственные.

Тем временем женщина сбросила капюшон, и он с трудом удержался от восхищенного возгласа: девушка оказалась чудо как хороша, не исключено, что в ее жилах изрядная примесь эльфийских кровей... а может, голубых. Или и то и то сразу. Изыщное, с правильными чертами лица, сочный цвет пухлых губ, голубые глаза и волосы цвета воронова крыла... Не вампир — иначе глаза были бы либо красными, либо карими, как у всех маскирующихся вампиров. Возраст — лет двадцать пять, может, меньше, видимо, жизнь слегка потрепала ее невзгодами — взгляд колючий, острый, что твоя бритва.

Эх, будь Зерван чуть моложе — попытал бы счастья... Хотя, а почему, собственно, нет? На вид-то ему тридцать с небольшим, о своих ста пяти прожитых годах знает только он сам...

В этот момент девушка выглянула в окно и вздохнула — ждет кого-то. Может быть, своего спутника, с которым договорилась встретиться в этом месте.

Он сосчитал до десяти и унял зачавшее сердце. Не тот случай, когда стоит думать о женщинах, даже таких прелестных: в любой момент враг может нанести удар. Сам Зерван на шаг впереди, но любая пауза может позволить охотникам сократить разрыв. У бегущего зверя нет и не может быть времени на маленькие радости.

Незнакомка, сбросив котомку с плеч, подошла к трактирщику и положила перед ним несколько монет. Медяки, определил по стуку металла о столешницу Зерван. Так и оказалось: она унесла к себе в угол тарелку похлебки да кусок черного хлеба. Видно, на мели и оголодала, вон как уплетает...

— Хозяин, мне добавки, — потребовал негромко Зерван, и толстенный коротышка-трактирщик тотчас же оказался рядом.

— Чего господин изволит?

— Еще пирога. И грога сладкого. — Он положил на стол несколько белобоких монет и тихо добавил: — И той девушке в углу — хорошую порцию жаркого. И грога горячего.

Толстяк расплылся в понимающей улыбке:

— Будет исполнено. Что сказать ей, когда она спросит, кто благодетель...

— Что благодетель пожелал остаться инкогнито, — отрезал Зерван, — и еще, вначале подойди вон к тем, тем и тем купцам и спроси, не нужно ли им чего.

— Зачем? — опешил трактирщик.

Вампир вздохнул. Если живешь долго, словно эльф, начинаешь, подобно большинству оных, презирать людишек, насмотревшись на таких вот толстопузых уродцев. Кретин прижимистый, он наверняка не способен и с медяком расстаться без корысти для себя.

— Чтоб она не догадалась, что это я. Чего стоишь столбом? Вперед!

За окном окончательно погас умирающий день. Зерван дождался добавки пирога и принялся за еду, наблюдая за хозяином трактира. Тот, выполняя инструкции, подошел к нескольким купцам, затем вернулся за стойку и позвал служанку — видимо, свою жену. Такому проще супругу припрячь к тяжелой работе, чем раскошелиться на наемную работницу.

Спустя минуту он принес в угол тарелку с дымящимся мясом и кружкой горячего напитка, и вампир подумал, что сейчас толстяк рискует получить по роже: девчонка ведь может понять его превратно. Вот ее руки оставили тарелку с почти дое-

денной похлебкой и уперлись в стол... сейчас последует рывок, и на трактирщика будет опрокинут стол и... К счастью, толстяк выговорил объяснение достаточно быстро, чтобы избежать увечий, и улизнул к себе за стойку. Девушка полоснула по присутствующим злым, жестким взглядом, так что Зерван едва успел уткнуться глазами в свой пирог. Хоть бы девчонка не оказалась гордячкой — ведь с нее запросто может стать.

Впрочем, голод оказался сильнее — она принялась за мясо. Ест быстро, но с достоинством, не чавкая, как остальные, вилку держит правильно... Кто она? Дочь обнищавшего дворянина? Возможно. Впрочем, какая разница, Зерван все равно этого не узнает. Своих проблем полно, только успевай расхлебывать, ведь он уже давно живет на расстоянии смертельного удара от своих врагов.

Зерван доел пирог, снял с ремня вместительную флягу и вынул пробку. Поднес горлышко к губам и усилием воли не позволил лицу скривиться в гримасе отвращения: кроме него только одним богам ведомо, как же гадка на вкус кровь, хоть телячья, хоть любая другая. Конечно, голодному вампиру слаще нектара нет, чем свежая красная жидкость, но такие гурманы редко живут дольше пары десятков лет. Зерван же на своем горьком опыте и фатальном чужом давно усвоил простое правило: хочешь жить долго — будь всегда сыт. Всегда. Вампир, который начинает искать в питье крови удовольствие, живет недолго и умирает зачастую в муках.

Зерван сделал несколько глотков и закупорил флягу, затем залпом выдул грог. Горячительный напиток смыл гадкий привкус крови с языка и вернул хорошее настроение. В окно заглянула только-только проснувшаяся луна — значит, пора в путь.

Он поднялся из-за стола, поправил на боку ножны со смертоносным эльфийским клинком и покинул трактир, усилием воли удержавшись от еще одного восхищенного взгляда на незнакомую девушку.

* * *

Нет длинней пути, чем путь в никуда. День за днем, ночь за ночью шагать, лишь иногда падая от усталости на землю и засыпая прямо под открытым небом, и при этом знать, что путь этот не имеет иного конца, кроме могилы на чужбине. Что

может быть страшнее? Вот она, цена трусости. Он искупил свою вину смертью — теперь осталось искупить трусость, чтобы без стыда явиться пред очи своих предков... если, конечно, они вообще согласятся впустить в свой город ходячую падаль вроде него.

А пока он идет по бесконечной степи, и ветер треплет праздничную, но уже пропылившуюся куртку. Исполинский воин, одиноко бросающий тень на песок посреди необъятных просторов, один голос которого заставлял врагов бросаться наутек... Но то было давно — жизнь назад.

Вот и неглубокая речушка, даже, скорее, родничок. Мертвец опустил на колени у самой кромки, положив старого верного друга — боевой топор — рядом, и зачерпнул воды. Влага слегка освежила его, мысли замедлили хаотичный бег. Он мог бы избежать всего этого... но оказался недостаточно сильным. Всего лишь секундная слабость обрекла его на долгий-долгий путь в никуда, по дороге, откуда нет возврата.

Как там Мевара? Все еще оплакивает своего непутевого мужа? Лучше бы нет. Он не стоит слез. Слабак. Ничтожество. Трус, обреченный на долгие скитания в поисках своего последнего пристанища.

Рука нащупала рукоять топора. Нужно отправляться в путь... И чтобы не был он так мучителен, этот путь, нужна цель. Решение пришло мгновенно — этой целью будет Телмар! Далекий путь туда, ох как далекий... если идти в обход по орочьим степям, через земли Моандора и Элкаде, в край Детей Камня, чьи степи соприкасаются с границами Телмара, где всегда идет война свободолюбивого народа степей с мерзкими завоевателями-телмарцами.

Сердце ждала тоска. Красавица Мевара родом из каменных. Да только нигде, ни в Моандоре, ни в Элкаде, ни в Каменных горах, нет больше места для шагающего мертвеца. Ну и не надо — есть путь покороче, напрямик через Эренгард! Несколько сотен верст — и привет, проклятый Телмар!

Тонкие бескровные губы растянулись в зловещей ухмылке: он нанесет удар там, где не то что никто не ждет — где вообще никто отродясь не видывал настоящего орка — не раба — и не слышал боевого клича Детей Ветра, от которого кровь врагов стынет в жилах. Да, это будет знатная битва и достойная гибель. Явиться в город предков в крови десятков заклятых врагов своего народа — лучше конца и для друга не придумать!

Этого вполне хватит, чтобы искупить позор мимолетной трусости. Он был великим воином — и остался таковым. Живой или мертвый — небольшая разница для того, кто и при жизни смерти не боялся.

Правда, триста с лишком верст через Эренгард... тамошние людишки еще помнят недавнюю войну за Гору Духов. Может быть, они окажутся достаточно благоразумны и не встанут на его пути. А если все же встанут... да будет горе им!

* * *

Пройдя с полверсты, Зерван услышал торопливые шаги за спиной: кто-то шел за ним следом. Кто-то легкий и быстрый. Он обернулся.

Светлое пятно в сумраке ночи — та самая девушка, несущая масляную лампу. Интересно, зачем она идет за ним? Да не просто идет, но пытается догнать и даже умудряется понемногу сокращать расстояние, хотя догнать размашисто шагающего вампира — та еще задача.

Зерван остановился и подождал немного, пока она поравняется с ним.

— Доброй ночи, — раздался ее негромкий, мелодичный голос с легким акцентом.

— И вам того же, миледи. Любите гулять по ночам?

— Не то чтоб очень. Но мне нужно попасть в Морхолт побыстрее, время не ждет.

Вампир кивнул, соглашаясь:

— Да, время — оно такое. Вот только лесные дороги не самое безопасное место для молодых женщин без надлежащего сопровождения.

Девушка одарила его ослепительной даже в темноте улыбкой:

— Вот потому я и двинулась за вами следом. Вы производите впечатление человека, связываться с которым не всякое отребье рискнет.

— Я и сам могу оказаться отребьем. Вы не подумали об этом?

— Полно вам. Я что, не отличу благородного человека от простолюдина? А ваши поступки говорят сами за себя, кстати, благодарю за угощение.

Зерван растерянно закашлялся, когда уже готовая фраза застряла в горле.

— Но как вы догадались?!

— Вы единственный смотрели в свою тарелку, пока все остальные раздевали меня глазами.

«Она не простачка», — подумалось вампиру.

— Зерван, к вашим услугам.

— Каттэйла. Рада знакомству, сэр Зерван.

Он не стал допытываться, откуда догадка о его рыцарском ранге, только галантно предложил своей неожиданной спутнице руку:

— Темно, легко споткнуться.

— Вы хорошо видите в темноте? Предпочитаете путешествовать ночью?

— Ночью на дорогах полно швали... это мой источник доходов. Вот потому обычно хожу ночью, а днем отсыпаюсь, — сказал вампир и похвалил себя за находчивость. И правду сказал, и истинную причину не выдал.

— А куда путь держите, если не секрет?

— Куда глаза глядят. Где есть бандиты да грабители — туда и путь мой.

«А ведь она и сама может оказаться грабительницей», — подумал Зерван. Существует множество бандитских трюков, в которых приманкой выступает красивая женщина: в конце концов, более эффективной наживки для жертвы-мужчины не сыскать. Она знает, что ее благодетель при деньгах, — вполне возможно, что уже облизывается в предвкушении добычи. Интересно, есть у девушки сообщники или она сама промышляет?

С другой стороны, Зерван уже крепко устал от одиночества: на ночных дорогах и словом-то перекинуться не с кем. А если попутчица и вправду грабительница... Ну и что? Навряд ли есть на свете такой трюк, чтоб старый вампир его не знал. Так что он и сам готов преподнести сюрприз в случае чего.

— Слыхали последние новости? — полюбопытствовала Каттэйла. — Телмар предъявил Эренгарду претензии на графство Сольведтир. А монаршая чета Эренгарда, Тааркэйд и Леннара, говорят, совсем лишена власти.

— Насчет Сольведтир я знаю, — кивнул вампир, — дело было давно, почти сто лет назад, тогда король Телмара крепко

получил по носу от Линдара Пятого и уступил эти земли в качестве репарации.

— А теперь Саргон Второй надеется отобрать их обратно, воспользовавшись раздробленностью Эренгарда.

Вампир поморщился:

— Король Саргон, говорят, узурпировал трон. Там была темная история, но я как-то не очень сведущ в политике.

— О да, — закивала Каттэйла, — у Леандро Третьего родились два сына-близнеца — Леандро и Саргон, из которых Саргон на час моложе. Леандро Четвертый занял престол по праву наследования и правил страной пятнадцать лет, пока не погиб на охоте. Говорили, это Саргон подстроил. У Леандро была дочь — меня, собственно, в ее честь и назвали, я появилась на свет в тот же день, как супруга Леандро разродилась. Так что принцессе Каттэйле стукнуло уже четырнадцать лет, когда король умер. Королева, мать Каттэйлы, умерла еще раньше, и корону должна была унаследовать принцесса. Но вместо этого на троне оказался Саргон...

— А принцесса Каттэйла? — мрачно спросил вампир, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Умерла от болезни. От оспы. Так, по крайней мере, объявили, устроили пышные похороны... Ожидаемо, не так ли? Сейчас принцессе должно было бы быть двадцать пять лет... Простите, я не надоела вам своей болтовней? Мне редко случается беседовать с приличными людьми — вот и болтаю без удержу.

— Нет, напротив, — заверил спутницу Зерван, — мне ведь тоже обычно приходится путешествовать в одиночестве, беседе светской я всяко рад. А что вы о монархах Эренгарда говорили?

— Сын короля умер не так давно от чахотки, едва год прошел с того мрачного дня, и единственной наследницей престола осталась его сестра. Принцессу Леннару отдали за Тааркэйда, принца-консорта¹ из Кор-Гала. Формально он, конечно, король, согласно традиции, но все прекрасно понимают, кто есть кто на самом деле. Тааркэйд, к слову, брат принца Тэй-Тинга, погибшего год назад в катакомбах под Горой Грома. Его убил

¹ В Эренгарде понятия «консорт» нет и супруг монарха традиционно является монархом (то есть имеет права на все королевские почести и регалии, в отличие от консорта), но реальной власти не имеющим.

вампира, графа Зервана да Ксанкара. Вы слышали, должно быть, тогда повсеместно только о том и говорили... пока да Ксанкар не избил короля Зиборна Второго, монарха Монтейна, прямо в его же тронном зале. Это уже новость похлеще была. Вы конечно же не могли этого не слышать...

Слышал ли он? О да, мрачно подумал вампир. Интересно, что бы сказала Каттэйла, если бы узнала, что сейчас преспокойно идет, держась за руку того самого Зервана да Ксанкара?

Он мысленно вернулся назад на один год, в то время, которое оказалось самым тяжелым периодом в его не очень-то короткой жизни. Поставленному в безвыходное положение вампиру пришлось решать, кому жить и кому умереть: десяткам тысяч людей или десяткам тысяч высших эльфов. И что страшней всего, Зерван должен был убить Таэль, княжну клана Этиан, с которой расстался за семьдесят лет до того и которую продолжал безнадежно любить все эти годы... О том, чего стоило ему найти выход из гиблого положения, вампир вспоминал с дрожью. И на фоне всего этого кошмара авантюра с наказанием Зиборна — так, суший пустяк. Детская шалость.

— Да, я слышал, — кивнул Зерван, — теперь Зиборна за глаза кличут не Вторым, а Битым.

— Ну так вот, — продолжала тем временем Каттэйла, — королева Леннара теперь тоже власти не имеет, как и Тааркэйд. Всей страной заправляют графья да бароны, основали эдакий Совет Благородных, формально — советники королевской четы. На практике у Леннары и Тааркэйда власти нет, они в своем дворце почти как в клетке. Тааркэйд молча подписывает все, что ему приносят. А будут ерепениться... сами знаете, что бывает с такими королями и королевами. Яд в вине еще не худший вариант.

— Я только не пойму, почему трон не захватит кто-то посильнее, раз у этих нет власти?

— Потому что сильный король Совету Благородных сто лет не нужен, — фыркнула Каттэйла. — Пока Тааркэйд и Леннара слушаются, Совет их в обиду не даст. Дворян устраивают прирученные монархи. Ну и народ ведь тоже в узде держать надо, традиции блюсти. На троне должен быть король — нате вам и короля и королеву. Все с виду чин чинном, а что на троне сидит пара консортов — народу в общем-то невдомек.

Зерван скрипнул зубами. Когда-то давно он, как перед этим его дед и отец, присягнул на верность трону Эренгарда

и служил королю Линдару Шестому верой и правдой, пока не стал вампиром. Линдар не отправил своего верного соратника на костер, вместо этого тайно вывез за пределы страны и отпустил с условием не возвращаться. Теперь, много лет спустя, извиленные дорожки привели вампира обратно на родину — и происходящее его не порадовало. Леннара, правнучка Линдара Шестого, превратилась в марионетку распоясавшейся знати... да еще и была выдана замуж насильно. Какое оскорбление!

Он тяжело вздохнул. Увы. Его родина уже не та гордая и могучая страна, все течет, все меняется. А любые перемены, пущенные на самотек, имеют свойство развиваться от плохого к худшему.

* * *

Тааркэйд протянул жене очищенный апельсин: на террасе они сидели вдвоем, так что молодой король взял на себя обязанности пажа. Романтический ужин двух влюбленных, закат, облака... Отличный повод отправить восвояси слуг и пажей: все до единого шпионы. Два надежных человека из прислуги — старый камердинер Тааркэйда да служанка Леннары, остальным верить нельзя. Еще гвардейцы — пожилые ветераны, служившие еще Кайлу Третьему, отцу королевы, да старый телохранитель Леннары, а до того — ее матери и бабушки. На них тоже можно положиться, и сейчас они стоят внутри, у двери, ведущей на террасу. Так что можно говорить, не опасаясь быть подслушанными.

— Кира уже должна бы вернуться, — сказала Леннара, — я беспокоюсь.

Тааркэйд налил немного вина сначала жене, потом чуть побольше — себе.

— Я думаю, ее задержали ливни на севере. Все-таки в Монтейн съездить — это не в сад прогуляться.

— Как ты думаешь, длинноухие согласятся?

— Почему нет, если коротышки почти согласились? Заметь, дварфы не прочь прибрать к рукам все оружейное дело — а ведь они и так небедный народ. Эльфы же всего год как с гор спустились, и земли, которые им выделил Битый, мягко говоря, не столь обширны, как им хотелось бы. Так что

они ничего не потеряют, если согласятся, — а выиграть могут очень много.

Леннара покачала головой:

— Всего год, как закончилась война. Вражда, длившаяся с перерывами тысячу сто лет, так просто не отменяется... Ты не находишь, что соотношение между временем войны и мира слишком уж невелико? И теперь ты предлагаешь им служить людям? Я, признаться, до сих пор не могу понять, как это вдруг они пошли на мировую с Зиборном. Не верится.

Король вздохнул и потянулся за куском ветчины в соусе.

— Там нечисто дело. Я подозреваю, что они взяли старого хрыча за жабры, а вся эта ерунда с присягой — для отвода глаз. Зиборн на весь мир опозорен — был у него выбор? Нет. За да Ксанкара он не то что четыре баронства — полстраны отдал бы.

— И тем не менее... ты все-таки веришь в то, что неизвестный бродяга в тигровой шкуре — действительно да Ксанкар?

— Любовь моя, а ты знаешь хоть кого-то еще, кто управлялся бы с мандалой одной рукой?

Королева задумчиво ела апельсин дольку за долькой, затем вытерла губы салфеткой.

— А чего там управляться-то? Я и сама как-то взяла пару уроков у капитана Зольберта. Шпага как шпага. Или я что-то неверно поняла? — взглянула она на мужа.

Король беззвучно засмеялся:

— Зольберт учил тебя фехтовать *аэтаванн мандала*. Это церемониальное оружие высших эльфов, не имеющее ничего общего с настоящими мандалами. *Аэвардэ мандала* — боевой клинок длиной с полторный меч и весящий еще больше, несмотря на тонкое узкое лезвие. Эльфийская сталь в полтора раза тяжелее обычной, так что люди слегка слабоваты для боя мечами эльфов. Шпагой нельзя отхватить лапу тигру одним ударом — а мандалой можно, если она в руке сильного бойца. Такого, как да Ксанкар.

— Однако же эльфы отдали вампира Зиборну, и тот убил его на арене.

Ответом ей стал гомерический хохот короля.

— Любовь моя, ты хоть раз в жизни видела Зиборна? Я видел и клянусь святыми богами, что никогда не поверю, будто увалень с пузом до колен, не влезающий ни в один панцирь, способен одолеть старого вампира. Особенно если этот вам-

пир — да Ксанкар. Он вырвался из погребца, где его хотели сжечь рыцари ордена Белой Розы, среди бела дня и не сторел. Убил моего брата в толпе его телохранителей. Вырвал свою подругу с боем из темницы Зиборна — опять-таки днем. Отделал Битого — в его же дворце и снова днем. Он перебил более полусотни рыцарей в бою на мосту через Вартугу.

— Вообще-то большинство их утонуло, — уточнила королева, — он сбрасывал их в реку.

— Какая разница, как он их убил? С да Ксанкаром даже солнце не совладало, так неужели можно хоть на миг поверить, что старый хрыч Зиборн смог бы с ним справиться?!

Леннара задумалась. Всего год минул, как могущественный орден Белой Розы потерпел сокрушительное поражение и перестал существовать, попросту напоровшись на одногоединственного вампира, которого стоило бы обойти десятой дорогой. За пару недель загнанный в угол да Ксанкар наворотил столько дел, что менестрелям хватит тем для баллад на долгие годы. И гибель вампира в неравном бою на злополучном мосту, казалось, не вызывала сомнений: множество людей, в том числе и Кира ан Кранмер, своими глазами видели, как он, расстрелянный арбалетчиками, падал в реку... А всего несколько недель спустя Зиборн убил его на арене. Нестыковка налицо.

— Дорогой, ты хочешь сказать, что на самом деле да Ксанкар не погиб ни на мосту, ни на арене?

— Я бы не поверил, если б не сходство. Ведь это же ты первая заметила его, когда вернулся Рольф. Мандала, огромная сила и сноровка, даже описание сходится. Да и потом... Умри он один раз — я бы поверил. Но если одной смерти да Ксанкару оказалось мало, то почему нельзя и две обмануть?

Молодые монархи замолчали в глубокой задумчивости, королева бросала куски булки слетевшимся на угощение голубям, король рассматривал игру заходящего солнца в наполненном вином бокале. Чуть погодя Тааркэйд негромко сказал:

— Я склонен поверить в твою интуицию снова. И если ты угадала, если это действительно Зерван да Ксанкар, то напрашивается очень интересный вывод.

— Позволь, я сама предположу. Эльфы не могли бы надуть Зиборна, знай они, что да Ксанкар жив: обман мог бы вскрыть-

ся. Но если мы примем как данность, что он все же жив, то выходит...

Король широко, торжествующе улыбнулся:

— Вот именно. Да Ксанкар связан с длинноухими. И поскольку голову в дар он послал от имени клана Этиан, то он уже не просто связан с ними. Только состоящий в клане эльф может посылать дар от имени клана.

Супруги улыбнулись друг другу: может быть, боги начинают благоволить к ним? Ведь кто, если не боги, свел их вместе?

Всего десять месяцев назад принцессу Леннару без ее на то согласия выдали за одного из полутора десятков кор-гальских принцев, Тааркэйда. Сам Тааркэйд, не имея ни единого шанса стать королем на родине, согласился не раздумывая. Пусть консорт, да на чужбине, да женат неизвестно на ком — но все-таки король, хоть и формально.

И вот тут Совет Благородных, будь он неладен, крепко просчитался. Новоиспеченные супруги пришлось по душе друг другу, кроме того, у них нашлось еще кое-что общее. Тааркэйд не хотел быть игрушечным королем, а Леннара желала быть настоящей королевой, супругой настоящего короля. Они имеют право на корону по праву рождения, данному богами, и с их же помощью будут править этой страной! Совет Благородных думает, что держит законных монархов Эренгарда в кулаке... Блажен, кто верует!

Глава 2 НАВЕКИ ПРОКЛЯТЫЕ

Двадцать верст были пройдены словно одна — по крайней мере, так показалось Зервану. Все-таки путешествовать в приятной компании — совсем не то же самое, что в одиночку. Каттэйла щебетала без умолку — даже не верилось, что она только что отмахала такое расстояние. Крепенькая девочка. И куда только исчез злой, колючий взгляд?

Вампир поймал себя на мысли, что узкая, ухабистая лесная дорога не производит своего обычного унылого впечатления, даже нависшие над головой тяжелые ветви деревьев больше не похожи на лапы гротескных чудовищ.

На самом деле он и раньше не избегал подобных дорог, особенно таких, за которыми закрепилась дурная слава. Да, в лесах полно тварей и людей, которые сами хуже любой твари, но и вампир не лыком шит, всем остальным, будь то оборотень, медведь или двуногое отребье, лучше дважды подумать, прежде чем становиться у него на пути. Незачем бояться чудовищ тому, кого чудовища и сами боятся. А вот преследователи, если, конечно, они идут за ним по этой же дороге, пускай опасаются засады за каждым кустом. Пускай всматриваются в темень леса по обеим сторонам и боятся хоть на секунду отпустить рукоять меча. Пускай дрожат.

Зерван поежился — он вспомнил свой поединок с охотницей по имени Черная Райла. Не так давно эта рубака очень доходчиво разъяснила вампиру, что его скорость и сила еще не залог победы. Физическое превосходство ничто перед истинным мастерством. В тот раз он победил снова, но только хитростью. И теперь, год спустя, Зервану все еще неприятно вспоминать, каким беспомощным он тогда оказался перед женщиной, уступавшей ему и в скорости, и в силе. А прямо сейчас Черная Райла, вполне возможно, среди тех, кто идет по следу. Отпустить ее живой еще тогда казалось не очень умным поступком, но что сделано, то сделано, к тому же вампир не очень хорошо себе представлял, как бы он добывал поверженную и обезоруженную женщину.

— Дождик собирается, — заметила Каттэйла невзначай, на миг прекратив перемывать косточки различным видным персонам.

«Она просто до невозможности легкомысленна, — подумал Зерван. — Посреди лесной дороги, в месте, и днем не очень-то безопасном, в сопровождении всего одного мужчины, к тому же незнакомого, девушка явно чувствует себя превосходно. По сторонам не смотрит, болтает без удержу, острит и шутит...»

— Знаете, в чем разница между оборотнем и королевским сборщиком податей? Закон разрешает нанимать охотников, чтобы избавляться от оборотней.

Вампир улыбался, пытаясь скрыть за улыбкой озабоченность. Доверчивость — качество, ничуть не способствующее долголетию. Вот прямо сейчас Каттэйла находится наедине с вампиром — беспечная, ничего не подозревающая жертва. Конечно, мало кто защитит ее лучше него, Зервана, да только не

все вампиры такие, как он. А путешествовать в его компании она вечно не сможет... но хотя бы в Морхолт Каттэйла будет сопровождена, это меньшее, что Зерван может сделать — и делает.

На дорогу упали первые капли дождя, и он вдруг подумал, что девушка быстро промокнет: ее плащ из дешевой ткани от холода кое-как защитит, но от влаги — нет. Вампир расстегнул цепочку, удерживающую накидку на плечах.

— Возьмите, а то промокнете. — И, заметив, что с ее языка уже готово сорваться возражение, добавил: — Мне не грозит простуда. Уже очень много лет прошло с тех пор, когда я кашлял в последний раз. Я... привык.

— Благодарю вас, — ответила Каттэйла и тепло улыбнулась.

— Вы что-то говорили о сыне немерийского короля? — напомнил Зерван.

— О да. Младший из троих принцев настолько толст и огромен ростом, к тому же уродлив, что люди шепчутся, будто его матушка королева согрешила с огром... А про самого принца ходит такая злая шутка... Почему в детстве у принца Аальба отобрали пони? Потому что он мог бы ею подавиться!

— Не повезло парню, — кивнул вампир.

— Ничего страшного. Он еще и умом скуден, так что просто неспособен понять свою ущербность...

— Да нет, я про пони. И игрушку отобрали, и еду.

Девушка прыснула.

— А вы женаты, сэр Зерван? — внезапно спросила она.

— Нет. И не был никогда. А что?

— Не подумайте, будто намекаю на что-либо, но вам на вид лет тридцать. Положим, вы из хорошего теста слеплены, значит, на самом деле еще старше. Вы никогда не задумывались о том, чтобы жениться?

— Задумывался... но это было давно. Может, женюсь, если боги позволят, но это будет еще не скоро.

— Почему?

Почему... Потому что Таэль, которую он любил, даже не надеясь еще когда-то увидеть, спит беспробудным сном где-то в недрах неприветливых гор. И спать ей еще полвека: целительная магия высших эльфов не может тягаться со «Слезам вечности». Почти что чудодейственный состав Древних не имеет ничего общего с волшебством — трое лучших целителей солнечного народа уже расписались в своем бессилии. И теперь

ему, Зервану, предстоит еще долгих пятьдесят лет ждать, чтобы воссоединиться со своей любимой. И он будет ждать. Ночь за ночью, год за годом, десятилетие за десятилетием ждать и любить, как до этого безнадежно любил почти три четверти столетия. Но теперь у вампира хотя бы есть надежда, к тому же какое у него право жаловаться? Ведь именно он и напоил свою любовь таинственным снадобьем, способным бросить вызов времени, и не жалел: это было меньшее из зол.

— Да мне и жену-то привести некуда, — ответил он, — ни кола ни двора, только пара медяков за душой. Не самый завидный жених, одним словом.

— Это проблема? Вы явно не робкого десятка — такие люди всегда в цене. Да еще и плащ ваш тигриным мехом подбит. Не вы ли на днях укукошили огромного людоеда двумя взмахами клинка? Вам прямой путь ко двору короля. Не только эренгардского — любого другого тоже. Даже если за вами числятся грешки — а я не спрашиваю о вашем прошлом, — всегда можно найти монарха, которому нет дела до того, кто вы, но который оценит, какой вы.

— А вы умеете задавать каверзные вопросы, — заметил вампир. — Дело в том, что я не хочу больше никому служить. Ближайшие полсотни лет я проживу сам по себе, никому не служа, никому не кланяясь. За долгие годы так привык быть свободным, что вряд ли смогу жить как-то иначе.

Он вдруг запнулся на полуслове. Другой наблюдатель не заметил бы мелькнувших среди деревьев теней, но вампиру незваные гости казались хорошо освещенными светлыми пятнами. Тепло тела — вот то, чего ночь не может скрыть от глаз ночного охотника-вампира.

— У нас попутчики.

— Бандиты? — В голосе Каттэйлы страха нет.

Умело прячет либо и вовсе не боится, а стоило бы. Хотя она, конечно, пока еще не видит, как слева и справа появились и скользят вдоль дороги четыре стремительных, быстрых силуэта.

— Хуже. Баньши. Не делайте резких движений без нужды.

— Что у вас на уме?

— Попробую обойтись без боя. Но если крикну — бегите прочь.

Каттэйла хмыкнула:

— Как благородно. Да только человеку не убежать от баньши. Так что уж будем вместе до конца...

— Вам лучше делать, что я говорю. За вами никто не погонится — они будут заняты мною, случись что. А пока делаем вид, будто не замечаем их.

Хотя какое там не замечаем. Девушка вертит головой во все стороны, ее пальцы уже готовы выхватить из рукава кинжал. Баньши конечно же тоже видят это и понимают, что обнаружены.

Один из них выходит на дорогу прямо перед Зерваном: высокий светловолосый эльф, одет как лунный, глаза отсвечивают в темноте красным. В руке покачивается дубинка, лицо мрачное. Должно быть, в первый раз на охоту вышел. Трое остальных такого же роста, но чуть стройнее — видимо, женщины, — страхуют собрата по несчастью, однако пока не вмешиваются.

— *Эйинэ майэн аарн*, — поздоровался вампир, и реакция эльфа не заставила себя долго ждать.

С яростным воплем он бросился вперед, словно жалящая змея. Предостерегающий окрик из кустов, рывок Зервана и неуловимое движение рукой — все произошло в одно мгновение. Вампир поднырнул под руку нападающего и мощным толчком сбил его с ног. Дубинка покатилась по земле.

Но баньши оказался на редкость быстрым. Он вскочил на ноги за время, которого хватило бы разве только чтоб моргнуть. Зерван выбросил ему навстречу руку с раскрытой в пародии на приветствие ладонью и крикнул хлесткое, резкое слово. Он видел, как противник, мгновенно сориентировавшись, попытался сложить пальцы в защитный глиф, но поздно! Незримая тугая волна сбила баньши с ног и отшвырнула прочь на добрый пяток шагов.

На дорогу выскочила стройная женщина-эльф, замахаясь дубинкой, тоже лунная, судя по одежде. По цвету лица не определить, была баньши до обращения лесной или лунной: у вампиров лица обычно бледные. Проклятие вампиризма уравнивает всех — и людей и эльфов.

— Что, мирной ночи не ищете, дети ночи?! — крикнул Зерван и рванул из ножен мандалу. — Так тому и быть!

— Стойте! — раздался властный окрик позади.

Еще две женские фигуры появились на дороге, обе с луками и колчанами за плечами. Одна из баньши приблизилась на рас-

стояние чуть большее, чем удар клинка, и склонила голову набок:

— Откуда ты знаешь наше приветствие, человек?

— Откуда ты знаешь мой язык, *баэннши*? — парировал Зерван.

— Я часто бывала в городах людей... раньше, — ответила та.

— А я часто бывал в походных лагерях баньши и эльфийских поселках, — ухмыльнулся вампир и добавил: — И еще не раз там буду. И в Эмельнейме, и в Зордарском лесу.

Баньши понимающе кивнула.

— *Эйинэ майэн аарн, Зерувизэль*, — сказала она, — мирной тебе ночи, Тень Забвения.

Вампир проследил, как баньши уходят в гущу леса, уводя незадачливого товарища. Увы, в этот раз особое приветствие не сработало так, как обычно, но все равно больших неприятностей удалось избежать. И то хорошо. А что узнали сразу — это уже чуть похуже... Впрочем, он сам же им и подсказал.

Старшая, уходя последней, внезапно обернулась и крикнула вдогонку:

— Берегись, Зерувизэль! Тальдира идет за тобой! — А затем ночной лес укрыл свою дочь густой тенью.

— Знаю, — негромко ответил вампир, с тоской глядя ей вслед.

Далеко-далеко, в Витарне, другая баньши, Сейинхе, *Песнь Ночи*, точно так же ходит по ночам разбойничать в поисках крови. Кто знает, как она там? Конечно, Реннар Справедливый с некоторых пор запретил охоту на баньши в своем королевстве, да только ночной промысел баньши от этого безопасней не стал.

Зерван повернулся к Каттэйле — та стояла на том же месте, держа в руках по кинжалу и поставив лампу на землю позади и сбоку от себя — трюк опытного бойца.

— Пронесло. Мы можем идти дальше.

— Ловко вы его, сэр Зерван, — с неподдельной ноткой зависти сказала девушка, пряча оружие и вновь беря своего спутника под руку, — вы еще и маг, оказывается.

— Да какой там маг, — отмахнулся он, — просто зазубрил несколько заклинаний...

«За столько лет только идиот не выучил бы», — добавил про себя.

— Так это были баньши? Я думала, они призраки...

— Байки. Баньши — это упрощенное слово *баэнши*, что на языке эльфов значит «дитя ночи». Проще говоря, вампир-эльф.

— Откуда вы это знаете?

— Вы забыли, что я охотник?

Каттэйла недоверчиво хмыкнула:

— Охотник, беседующий с теми, на кого, по идее, должен охотиться? У вас концы с концами не сходятся.

Вампир беззвучно ругнулся. Эта девчонка ох как не проста. Умна и наблюдательна, за словом в карман не лезет.

— Скажем так, я охочусь не на всех подряд. Я немного знаком с некоторыми так называемыми чудовищами и знаю, кто из них действительно мерзкая тварь, а кто нет. И не считаю, что баньши следует истреблять. Видите ли, эльфы, как и люди, могут заразиться вампиризмом через укус. Но сами уже не могут заразить никого. Не знаю, почему так, но это факт.

— Но они все равно пьют человеческую кровь!

— Но в отличие от вампиров-людей, никогда не засасывают жертву насмерть — тогда они будут считаться проклятыми среди эльфов. А что пьют кровь... им же тоже надо жить. Они и сами жертвы людей — так кому, как не людям, расплачиваться за это некоторым количеством крови?

— И это я слышу от охотника, — улыбнулась Каттэйла. — А что за слова вы говорили?

— Эльфы-вампиры приветствуют других эльфов пожеланием мирной ночи. Если поприветствовать так встреченного баньши, он подумает, что вы тоже вампир.

— Умно, — одобрила девушка, — так можно обманывать их...

— Не совсем. Как я уже говорил, проклятие вампиризма приходит к эльфам от вампиров-людей. И потому никого баньши так не ненавидят, как их. Вы сами видели реакцию на мои слова. Назвались вампиром — будьте готовы сражаться насмерть. Так что обычно разумнее не сопротивляться и потерять немного крови, а пытаться обмануть можно, только если вы в состоянии дать отпор эльфу-вампиру.

Каттэйла некоторое время молча шагала рядом, обдумывая услышанное, затем спросила:

— Так вы довольно известны среди эльфов? Она вас как-то по-особенному назвала... И кто такая Тальдира?

— Верно. Я с ними предпочитаю дружить, и они меня хорошо знают... хоть и не все, как вы заметили. Даже прозвище вот дали. А Тальдира... Тальдира — мой смертельный враг. Но все это мое прошлое — пускай оно и останется моим.

— Разумеется, — деликатно согласилась девушка и сменила тему: — Вы слышали о том, что в орочьих степях видели дракона?

Зерван едва заметно скривился. Городская леди, безусловно, купилась бы на его басни. Поверила ли Каттэйла? Вряд ли, ох вряд ли. Знает ли о том, что Зерувиль — прозвище все того же да Ксанкара, о котором она наслышана? Возможно. Что ж, можно считать, что маскараду пришел конец. Интересно, сообщит ли девушка о нем страже в Морхолте? Не исключено, редко человеку свойственна благодарность.

Что хуже всего, Каттэйла и сама может быть одним из охотников, идущих по его, Зервана, следу. Зиборн наверняка подрядил десятки их, и эта голодная до золота братия запросто может работать вместе: награды, принеси они голову вампира Зиборну, хватит на всех. Да, все очень даже сходится: отсутствие страха, замаскированное под неосведомленность городской простушки, может проистекать из знания того, что баньши не опасны для жизни, если не сопротивляться им, а он, Зерван да Ксанкар, не причинит вреда женщине без необходимости, даже если будет знать, что это охотница.

Проклятье, неужели эта продувная bestия, прикинувшаяся пушистой комнатной кошечкой, уже просчитала своего спутника и теперь бессовестно использует против него его же слабости?

Лес закончился, сменившись засеянными полями, вдали показались огни на стенах Морхолта. Отсюда не больше шестидесяти верст напрямик до многолюдного блистательного Эрнхолдкипа — столицы Эренгарда. Надежнее укрытия не придумать: лист лучше прятать в лесу, а человека — в таком муравейнике, как Эрнхолдкип. Тем более что уж куда-куда, а в город людей Тальдире нет пути: побрезгует, сука.

Ворота города заперты, у калитки стоит четверка стражников. Точнее, стоит один, остальные режутся в кости, рассевшись вокруг пивной бочки. Если за этим занятием их застукать сержант, подумалось вампиру... Хотя — не застукать. Время-то далеко за полночь, дрыхнет сержант в караулке. Расслабились солдаты и сержанты в самом сердце Эренгарда, страна уж два-

дцать лет как настоящей войны не знает, а у самой столицы вражеский сапог три столетия не ступал. Но если права Каттэйла насчет реваншистских настроений Саргона Телмарского — все может измениться, в ближайшее время к тому же.

Стражник у ворот молча махнул рукой в сторону калитки, ни о чем не спросив — ни кто такие, ни зачем в город пожаловали, да еще ночью и пешком. Хотя он-то люду всякого навидался, должно быть, так что женщина в теплом плаще в сопровождении мужчины в добротной куртке, притом у обоих аристократические черты лица — не самые подозрительные субъекты. К тому же таким вопрос задай — оскорбятся как пить дать. Даром что бедны, словно мыши храмовые, а гонору у благородных всегда в достатке. Нужны ли простому стражнику неприятности?

Морхолт тот еще муравейник. Тысяч на двадцать люду, преимущественно крестьяне да ремесленники — последних тут слегка поболее, чем в других городах таких же размеров. Оно и понятно: столица под боком. Лавка или кузница в Эрнхолдките стоят немалых денег, да подати в столице покруче будут — самые умелые и искусные мастера там обретаются, с них есть чего в казну слупить. А остальные, чьи изделия попроче да подешевле, живут вокруг, в близлежащих городах, товары же свои возят на базар в столицу — лучше рынка сбыта не придумать, Эрнхолдкит — это добрых шестьдесят тысяч только местного населения, купеческие караваны да приезжие — отдельный разговор. А еще множество люду приезжает на ярмарки, дабы подешевле скупить все необходимое.

И вся эта человеческая масса хочет есть, пить, одеваться, им требуются предметы бытового обихода, некоторым — еще и роскоши... А изделия местных, столичных мастеров многим дороговаты. Так что столица большого государства была, есть и будет лучшим рынком сбыта не только в самом Эренгарде, но и на многие версты вокруг. Из сильных соседей — Монтейн, Телмар, Немерия да Кор-Гал. И то Кор-Гал за морем. Ну и Витарн — страна маленькая, но с очень развитой торговлей. Остальные соседи — королевства и того меньше, откуда там взяться настоящей торговле?

Каттэйла быстро провела вампира по узким улочкам в предместье и остановилась у небольшого, но опрятного домика, притаившегося между двумя помпезными купеческими хоромами.

— Вот я и на месте, — улыбнулась она, — тут живет давний друг моего покойного отца. Не окажете ли честь зайти в гости?

— А вы уверены, что друг вашего отца будет мне рад?

— Разумеется, — уверенно заявила девушка.

— Что ж... я бы с радостью, но мне нужно быть в столице никак не позже чем через два дня, с одним человеком повидаться... Так что уж не обессудьте, но я должен идти дальше. Я нигде не могу остановиться — враги дышат мне в затылок.

— Тут вы будете в безопасности!

— Я — да. Вы — нет. Я не могу подвергать риску других, а тем более вас. Мои враги безжалостны, к тому же на то они и мои. Я сам нажил их, зная наперед о последствиях, — мне и ответ держать. Удачи вам, Каттэйла... и не ходите по ночным дорогам в одиночку или в сопровождении незнакомых людей.

Девушка вернула ему плащ.

— Грустно. Но я надеюсь, мы еще встретимся, сэр Зерван.

— Я тоже надеюсь. Идите же, вы устали с дороги. Я подожду, пока вам откроют, и пойду своим путем.

Каттэйла вздохнула, и в ее глазах вампир заметил что-то похожее на сомнение. Девушка подошла к двери и трижды постучала. Меньше чем через минуту ей открыли.

Зерван увидел, как Каттэйла взглянула на него, помахала на прощание рукой и исчезла в доме, затем повернулся и двинулся обратно к воротам.

Итак, ее определенно ждали — очень уж быстро открыли дверь. Вампир даже немного удивился, что оттуда не выскочила толпа вооруженных охотников за головами, — он был готов к такому повороту. Хотя, возможно, это значит лишь, что охотники хитрее, чем он думал. Ну ладно, Зерван и сам не лыком шит, за свои сто пять он тоже выучил немало хитрых трюков.

Вампир быстрым шагом направился к воротам, через которые попал в город. Стражник слегка удивился, завидев Зервана так быстро вновь, но уже в следующий миг его глаза прилипли к серебряной монете, которую вампир демонстративно подбросил в воздух и поймал.

— Слушай, служивый, ты, случаем, не знаешь, кто живет в восьмом доме четвертого переулка от этих ворот? — Зерван детально описал улицу и дом.

— Знаю, как не знать, сэръ! Купец по имени Вирро Ремзин. Он младший сын виконта Ремзина, состоящего в Совете Благородных!

— Как это сын такого уважаемого отца стал купцом?! — удивился вампир. — Рыцарем бы стать должен, раз не унаследует титул...

— А кем еще ему быть? — пожал плечами стражник. — В рыцари он негож. Ростом мал, да еще и болезный с виду. Позор семьи, да что ж поделывать, и ему надо кем-то быть и как-то жить. Вот он и торгует, возит товары из Телмара.

Зерван кивнул и бросил монету стражнику, который ловко ее поймал и спрятал под завистливыми взглядами товарищей.

«Итак, купец, уже давно торгующий с Телмаром, — подумал вампир, шагая во тьму по той же дороге, по которой пришел. — Вариант с прикрытием для охотников отпадает, но сама Каттэйла охотником вполне может быть. Что ж, осторожность никогда не бывает чрезмерной».

Удалившись на версту, он свернул с дороги в поле и обогнул город с севера, вышел на другую дорогу и вновь двинулся к Морхолту. Предполагаемые охотники, если Каттэйла связана с ними, проверят, что вампир действительно покинул город, как и говорил. Погоня двинется следом... точнее, они будут думать, что следом, ведь на самом деле Зерван вовсе не пойдет в Эрнхолдкип.

Он вошел в город через другие ворота, с такими же четырьмя не лезущими не в свои дела стражниками. Уж где-где, а в Морхолте его точно не будут искать. А даже если и будут... Пускай ищут. Вампир решительно выбросил из головы все мысли об охотниках.

А Каттэйла все-таки прелесть. Вот только почему душа ноет в предчувствии беды?

* * *

Лес... Вековые деревья, закрывающие разлапистыми ветвями солнце днем, а ночью — обе луны, густой кустарник, протоптанные зверьем тропки и давящее чувство скованности. Топором не размахнуться, чтоб не задеть что-нибудь, дальше своего носа ничего не видеть. Все равно что брести в потемках — да только в широких степях ноги не спотыкаются о кор-

ни, кусты не хватают за рукав. В лесу ночью куда темнее, чем в степи, к сожалению.

Пошли уже третьи сутки путешествия по лесам эльфов — хотя хозяев этого края не видать ни ночью, ни днем. Впрочем, кто знает, может быть, они прямо сейчас сидят в нескольких шагах от звериной тропы и смотрят на него, неукротимого и смертоносного в родной степи, но такого неуклюжего и беспомощного тут, в лесу, да еще и ночью.

А ведь это совсем плохо: они, может статься, и не знают, что одинокий орк, бредущий через их владения, мертв. Идут следом за ним, следят исподтишка, не понимая, что творят. Ведь мертвым не должно находиться среди живых — и точка. Так гласит обычай, старый, словно само время, и считается, что живые тоже должны избегать мертвеца. Но что, если они просто не знают и в неведении не позволяют несчастному выполнять этот обычай? Предки не будут слушать никаких оправданий. Кому какое дело до стенаний никчемного слабака?

Впереди послышалось журчание — ручей пришелся весьма кстати. Да, в лесу тень, нет жгучего солнца и иссушающего ветра, но пить все равно хочется, пусть и реже.

Вскоре кусты расступились, открывая не только ручей, но также маленькое лесное озеро, даже крошечное: любой Сын Ветра, разбежавшись, легко допрыгнул бы до середины. Правда, разбег тут негде взять, да и зачем? Это живые прыгают с разгону в воду — им весело...

Вода приятно освежила тело. Можно будет идти хоть до утра, да только куда? Тропинка, на которую возлагались большие надежды, закончилась: ведь она к водопою проложена. Куда идти дальше? Как ориентироваться в лесу тому, кто в нем впервые?!

Лес — гиблое место, это знает любой мальчик народа степей. Старые мудрые шаманы не зря вбивают в буйные головы простую истину: искать подвиги надо в других местах. В лесах водятся те еще твари — трофеи достойные, да только трофей такой если и добудешь, все равно не похвастаешь. Войдешь в лес — не воротишься. Если даже солнца не видать, как тут поймешь, куда идти? К тому же лес не любит чужаков, и если с обитателями его управиться можно, то с самим лесом не сладить: будет водить кругами и уморит голодом даже сильнейшего из воинов. Только эльфы тут как дома, но они ведь и есть дети леса. Какой родитель будет обижать своих чад?

Он погрузился в воду по самую шею, стоя в центре озера — мелкое. Другим было бы по самую макушку, но ему лишь до подбородка. Интересно, почему дно вымощено камнем? Откуда посреди седого, дремучего леса взялись камни в озере?

Любопытство на миг прогнало смертельную тоску, и он двинулся вдоль берега по кругу, внимательно рассматривая траву и почву у самой кромки воды. Подтверждение догадке нашлось сразу: отпечаток босой ноги на берегу, там, где трава не росла. Маленький след изящной ножки, видимо женской, след свежий — с вечера, должно быть. Купальня эльфов, обустроенная на лесной поляне у ручья.

Дело приняло на редкость скверный оборот. Еще можно было бы что-то бляеть в свое оправдание, если б ушастые втихара шли за ним следом, но теперь-то что?! Теперь уже даже на эльфов не свалить вину. Мертвым нет места среди живых, а он, вместо того чтобы чтить этот непреложный и не терпящий исключений закон предков, попросту вломился в чужую купальню, причем в купальню живых. Не говоря уже о том, что даже живому так вести себя непозволительно, а что скажут здешние хозяева, если узнают, что в их озере помылся мало того что чужак, так еще и мертвец?!

Он быстро оделся, подхватил свой топор и двинулся сквозь кусты не разбирая дороги... Хотя какая дорога в лесу?!

Конечно, старый гро-Бакхг говорил ему, что в лесу на территории Эренгарда все ручьи должны течь на юг. Пока все сходится, к ручью тропа шла почти под прямым углом, и ручей течет справа налево, значит, направление правильное, на запад. Еще день-два пути — и лес должен смениться полями. Моара, двоюродная сестра и почтенная шаманка заодно, бывала тут не раз, она вообще очень часто путешествовала неизвестно зачем в страну людей под названием Монтейн, куда ездил через Эренгард: пешком по лесу и потом на человеческой повозке на север. Так что скоро эльфийский лес должен уступить место полям людей. А поле — та же степь, только с травой по колено.

Вскоре обнаружилась новая тропка, примерно в нужном направлении проложенная к тому же, но стоило пройти по ней пару сотен шагов, как впереди послышался шум. И не шаги, и не голос, и не дыхание. Шуршание, скорее, тихое и ритмичное. Змея? А, что толку гадать?! Змея или какое другое существо — сейчас станет ясно...

И в следующий момент из тени навстречу плавно вышел эльф, тоже полный решимости выяснить, кто это топает по тропинке, нимало не прячась.

Брови его поползли вверх: уж орка встретить в своем лесу эльф точно не ожидал. А за ним уже блестят в темноте выпученные глаза идущих следом эльфов помоложе...

Стоило тогда сжать зубы и промолчать в ответ на роковой вопрос судьбы... и сейчас всего этого не было бы. Ни мучительного, бесконечного пути в никуда, ни многократных нарушений незыблемого закона... Мертвым нет места среди живых... Мертвым не положено смотреть на живых... Все это уже нарушено. И сказать в свое оправдание на суде предков будет совершенно нечего, в конце концов, оправдание есть признание вины.

Он шагнул в сторону и так и остался стоять спиной к тропинке, лицом к густой чащобе, закрыв глаза. Просто представить себе, что его тут нет. Что эльфы не видят его, что вековечный закон не нарушен... А о том, что будет, если они сейчас заговорят с ним, лучше не думать.

Послышался короткий возглас, прервавшийся отрывистой, резкой командой идущего во главе воина. И тишина, только едва слышны мягкие шаги приближающихся эльфов... ближе... ближе... рядом...

Никто ничего не сказал. Эльфы гуськом шли мимо, не говоря ни слова ни ему, ни друг другу. Ну конечно же! Старший сразу все понял, лишь завидев, как странный отощавший орк в грязной, изношенной, некогда праздничной одежде отворачивается от него и сходит с тропы. И запретил своим спутникам говорить с чужаком, а может быть, даже и смотреть на него.

Изгой испытал чувство глубокой признательности к длинноухим, особенно к их вождю. Что и говорить, они его крепко выручили. Он постоял так немного, затем, понимая, что совершает еще одно чудовищное преступление, скосил глаза вслед уходящим эльфам. Так и есть, идут, сосредоточенно глядя в затылок товарищу впереди.

Вот теперь стоит обратиться не мешкая, пока еще на кого-то не наткнулся. Конечно, после этой встречи эльфы точно будут знать, что в их озерце искупался покойник. Проклятье, какое оскорбление и им и предкам.

Чуть дальше над тропой нависает дерево — это его ветки шуршали, задевая одежду эльфов. Прочь отсюда, да побыстрее... Вот только куда дальше идти, чтобы ни на кого больше не наткнуться? Да и вообще, почему эльфы оказались в таком глухом месте, наверняка вдали от своих поселений?! Эти-то вовсе не купаться шли.

На миг прикрыл глаза, вспоминая... Луки у двух или трех. Остальные с парой сабель или прямым клинком каждый. Нет, это не патруль. Это боевой отряд, но вряд ли эльфы собираются напасть на людей — идут не в ту сторону, к тому же на войну с людьми берут луки. С кем могут воевать эльфы в своем же лесу?!

Он открыл глаза и остолбенел: прямо перед ним развилка, тропа разделяется. И прямо посередине сидит большой седой волк с зеленоватой шерстью. О нет, только не опять! Отвернуться, как можно быстрее отвернуться!

Конечно, это никакой не волк. Старый шаман гро-Бакхг из-за своей привычки натирать седую шевелюру листьями мяты всегда казался зеленоватым. И даже когда он обращался в степного волка, этот волк тоже выглядел таким же, так что и в этом обличье старого шамана легко узнавали все, в том числе бывший ученик. Вот только что делает почтенный гро-Бакхг здесь, в этом лесу, так далеко от дома?!

И тут же в голове молнией мелькнула мысль: так ведь старый шаман умер уж лет тридцать как! Он повернулся к волку вновь и моргнул: да, вот он, седой степной волк, никакой не мираж и не обман зрения.

— Приветствую тебя, гро-Бакхг, — негромко сказал изгой и вздрогнул.

За прошедшие дни он, оказывается, успел отвыкнуть от собственного голоса. Все-таки как хорошо, что старый шаман вернулся из города предков: ведь он тоже мертв, с ним хотя бы можно поговорить.

Волк чуть наклонил голову набок, затем поднялся с земли и неспешно потрусил, прихрамывая, по левой тропе. Да, никаких сомнений, это шаман: даже хромота на ту же ногу, поврежденную когда-то очень-очень давно в схватке с неведомо как забредшим в степь троллем. Вот только зачем гро-Бакхг вернулся за ним? Поди догадайся, ведь он всегда был загадочным, всегда знал больше, чем говорил. И теперь коль шаман пришел из страны предков, то уж точно неспроста. Посему его ведомо-

му ни к чему проявлять любопытство, достаточно просто идти следом. Когда придет время — все само встанет на свои места.

Он забросил топор на плечо и двинулся следом за седым волком: гро-Бакхг точно знает верный путь и наверняка уведет своего недостойного ученика от ненужных встреч.

Стоит на миг прикрыть глаза — и перед мысленным взором вновь появляется стоящая на отшибе палатка старого шамана, покрытая витиеватыми узорами, шести с черепами степных львов, тролля, медведя и еще нескольких тварей поменьше, каждая из которых имела неосторожность сойтись в поединке с гро-Бакхгом, когда тот был молод или уже не очень. Сам шаман сидит у очага, помешивает что-то в маленьком котелке. Должно быть, лекарство... Помешивает и приговаривает слова заговоров, чертит пальцем знаки на закоптелом пузе котелка, рассказывает что-то в перерывах между заклинаниями. Детство, детство... Хорошее было время, полное мечтаний о сражениях, подвигах, славе... Тогда в мальчишечьей голове была даже не вера — знание. Знание того, что это непременно случится — подвиги, слава... И случилось. Великие деяния, слава — все было. Один только бой с горным львом чего стоил. Дети Камня тогда долго пытались убить зверя, режущего их скот, да только никак не могли поймать. Уж больно хитрый был хищник. А он... он просто шел с войны, возвращался с телмарской границы в родные степи да и остановился погостить у дальней родни... Узнал о льве, пошел и убил. Казалось, сами предки вывели его прямо к новому логову твари. И был жаркий, но быстрый бой, и раны от когтей на груди, и двойная победа: домой он уходил с двумя трофеями, шкурой льва и женой — самой красивой и сильной девушкой из Детей Камня... Мевара, Мевара, зачем ты тогда так неосторожно выбрала себе в мужья такое жалкое ничтожество?! Почему не разглядела сквозь могучие грудные мышцы трусливое заячье сердце?!

Волк остановился, прервав горестные мысли своего бывшего ученика. Взглянул вдоль тропы и словно сделал приглашающее движение головой.

Кусты расступились, открывая взору небольшую полянку и омерзительную тварь посреди. Чудовищная, гадкая помесь волка и двуногого прямоходящего существа... Эльфом оно было или человечком? Неважно. Теперь это склонившийся над растерзанной тушей овцы оборотень-волкодлак.

Про оборотней старый шаман знал немало — да про что он знал мало?! — и охотно рассказывал об этом, греясь у огня по вечерам:

— У каждого из нас в душе живет зверь. У всех, даже у людей и дварфов. И у каждого зверь этот свой, и характер у него тоже есть. В каждом разумном существе всегда просматриваются черты зверя, и, если уметь, можно слышать его голос у себя внутри... Можно даже ненадолго самому становиться зверем — да только это не всем дано, и не всем оно и надо... Забывается понемногу старое искусство единения со своим диким началом...

Так все, видно, и было, потому что старый шаман на много-много верст вокруг слыл единственным, кто умел обращаться в волка когда хотел и на сколько хотел. Недаром его и называли так — шаман-оборотень.

А вот оборотни-люди... это совсем другое. Единицы из них способны удержать зверя в повиновении, остальные — больные, загнанные и затравленные своими невежественными соплеменниками — очень быстро теряют все то небольшое, что возвышает человечков над животными, превращаясь в монстра. И зверь этот получается преисполненным скверны и порока, вот он, живой пример. Внешне — волк, вставший на задние лапы, с когтистыми передними, и человек и волк одновременно, и вместе с тем — ни то ни другое. Мерзость, злобная, коварная и отчаянная. Волкодлак.

На короткий миг возникло чувство родства. В самом деле, и для человека, ставшего волкодлаком, и для мертвого орка окончательная погибель — единственное избавление от полного мук существования... Но на этом сходство и заканчивается.

Оборотень зарычал, оторвавшись от своей добычи, сверля неожиданного противника желтыми глазами. Вот, значит, за кем охотятся эльфы. Стало понятно, для чего старый шаман вернулся в мир живых — указать нерадивому ученику путь.

Что ж, эльфы уважили несчастного изгоя, пройдя словно мимо дерева, не глядя на него и не заговорив. Он вернет этот долг и хоть немного испуит нанесенное им оскорбление, убив для них эту тварь.

Огромный орк и оборотень еще мгновение испепеляли друг друга глазами, а затем не сговариваясь одновременно бросились друг на друга.

Взмах трехпудового топора ушел в пустоту: тварь на редкость быстра. Лишенный искорки сознания оборотень все же сохраняет интеллект, которым обладал раньше. И что такое орочий боевой топор, понимает наверняка. Один удар — вот все, что нужно, чтобы закончить этот бой, только нанести его будет непросто. Уж если искусные и проворные эльфы вышли на эту тварь целым отрядом...

Выпад, прыжок в сторону, которым тварь уклонилась от атаки, — все это произошло в мгновение ока, ответный удар оборотня оказался еще более быстрым. Когти вспороли ткань куртки, но и только: Дети Ветра тоже отнюдь не увальни, какими могут выглядеть в минуты спокойствия. Последовал стремительный обмен ударами, но ни одна сторона не достигла успеха: волкодлак — слишком подвижный противник, которого не так-то просто ударить, однако и его когтистые лапы не смогли соперничать по длине с боевым обоюдоострым топором.

На короткую секунду дуэлянты застыли друг против друга, пытаясь понять, как же сражаться с противником. Тварь оказалась быстрее, чем любой из встреченных на жизненном пути врагов, но, видят предки, мохнатый полупес тоже никогда не имел дела с орком! Да, его не достать ударом лезвия: трехпудовый топор недостаточно легкий для молниеносного удара, желтые волчьи глаза не выпускают из виду сталь, тускло мерцающую в льющемся сквозь прорехи листьев свете луны. Но двойное лезвие вовсе не единственная часть топора, которой можно нанести удар, и к некоторым понимание этого приходит всего за миг до смерти.

Длинный, нарочито длинный замах. Быстрый прыжок твари назад — она вне досягаемости, удар уходит мимо, мощная сила инерции уводит оружие в сторону и назад — это отличный момент для прыжка! Именно так волкодлак подумал, не понимая, что как раз это от него и требовалось. Сильные лапы отталкиваются от земли, вспарывая ее когтями — бросок!

Чем опасны в бою прыжки — так это потерей точки опоры. Атакующий в прыжке более неспособен изменить свою траекторию, уклониться от встречной атаки. И потому, когда затыльник топорница устремился навстречу оборотню, словно копье, удар был неизбежен. Рукоять врезалась в покрытую серой шерстью грудь с такой силой, что туша твари отлетела назад, даром что весит все пять пудов, если не шесть. Оборотень, даже

не тьякнув — как бы он тьякал, если дух выбит из его груди, — грохнулся оземь в добрых восьми шагах. Вот и все, бой закончен, осталось только подойти и размозжить врагу череп.

Однако и тварь оказалась стойкой. Стоило поудобней перехватить топор, как оборотень с завидной прытью, особенно с учетом переломанных ребер, вскочил и вцепился передними лапами за рукоять топора, а его длинная морда с разинутой пастью устремилась к горлу противника. Хорошая попытка, безусловно, против эльфа могло бы и получиться.

Он поднял оружие на вытянутых вперед и вверх руках — и все, клыки лязгнули в пустоте, морда хоть и вытянутая, да только с длиной орочьих рук ей не тягаться. Оборотень повис на рукояти топора, не желая отпускать оружие врага, так что осталось лишь посильнее грохнуть его оземь.

Оборотень захрипел, когда огромные ручищи, отпустив наконец оружие, сомкнулись на его горле. Сдавить как следует, поднять, с силой ударить о землю. Поднять, сделать шаг к ближайшему дереву и приложить тварь головой о ствол. И еще раз. И еще. И еще.

Изломанное тело с размозженным черепом лежит у ног Сына Ветра. Еще одна победа над достойным противником, жаль только, о ней сказ не сложат и песню не споют, увы.

Он наклонился и поднял с травы топор. Время не ждет, надо идти. Оглянулся, отыскивая глазами седого степного волка: старый гро-Бакхг сегодня помог своему ученику, как никогда раньше.

Старый шаман оказался прямо у тела оборотня, невозмутимый, словно всегда так сидел, хотя миг назад его там не было. И взгляд — чуть укоризненный, значимый.

— Да, я вспомнил твои слова. Этих тварей надо убивать наверняка.

Надо оттащить труп от волка, чтоб ненароком не попасть по почтенному гро-Бакхгу: он хоть и дух, но это было бы редким хамством. Размах и удар, и вот голова лежит отдельно от тела.

— Ну теперь уж не встанет. Благодарю тебя, почтенный гро-Бакхг...

Шаман, не дослушав благодарственную речь, сокрушенно вздохнул, подошел к отрубленной голове и потрогал ее лапой, словно хватал за гриву.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Путь в никуда	7
<i>Глава 2.</i> Навеки проклятые.	20
<i>Глава 3.</i> Муравейник.	39
<i>Глава 4.</i> Неслышная поступь рока	60
<i>Глава 5.</i> Кто жив, кто мертв?	78
<i>Глава 6.</i> Когда Судьба смеется.	93
<i>Глава 7.</i> Желай осторожно	111
<i>Глава 8.</i> Держи друзей близко...	129
<i>Глава 9.</i> «На узких перекрестках мироздания».	154
<i>Глава 10.</i> Тень прошлого	178
<i>Глава 11.</i> Фаталисты	207
<i>Глава 12.</i> Бег по краю.	231
<i>Глава 13.</i> ...А врагов еще ближе	251
<i>Глава 14.</i> Дети ночи.	269
<i>Глава 15.</i> Игра с огнем	289
<i>Глава 16.</i> Поединок	313
<i>Глава 17.</i> Живые и мертвые	327
<i>Эпилог</i>	368